

Карл Маркс как социолог: к 200-летию со дня рождения классика

200 лет назад, 5 мая 1818 года в небольшом немецком городке Трире родился человек, который не только обосновал революционно новаторские подходы в науках об обществе, но и последующим неоднозначным влиянием своих идей и даже их социально-практическим воплощением существенно изменил ход общественного развития начиная с XX века.

Карл Маркс по праву относится к плеяде классиков социологии, примыкая вместе с Э.Дюркгеймом и М.Вебером к хрестоматийной троице отцов-основателей нашей науки. Однако социологическая идентичность Маркса кажется не совсем очевидной, отчасти потому, что он сам вряд ли назвал бы себя “социологом”. Хотя дизайн новой “позитивной” науки об обществе был уже очерчен О.Контом, сама социология во времена Маркса лишь начинала артикулировать свой собственный дисциплинарный голос (к моменту смерти Маркса в 1883 году Э.Дюркгейму и Г.Зиммелю было по 25 лет, а М.Веберу — лишь 19). К тому же сам Маркс в своей творческой эволюции и научных интересах был если не универсальным, то, как сейчас бы сказали, *мультидисциплинарным* мыслителем: не только социология, но и современные философия, история, политическая и, конечно же, экономическая науки во многом обязаны ему развитием своих идей, методов и подходов.

Марксова революционная (и не только в метафорическом смысле) парадигма в понимании, познании и преобразовании общества действительно претендует на универсальность, если не тотальность. Однако именно в этой самой тотальности (очевидно проистекающей от раннего увлечения Маркса философскими абсолютами его соотечественника Гегеля) и кроется наиболее уязвимый и противоречивый смысл его теории, размывающий грань между наукой и идеологией и в своем последовательном практическом воплощении ведущий, как показала история XX века, к неоднозначным и даже опасным социальным экспериментам. В самом деле, ни Вебер, ни Дюркгейм, ни другие великие социологи все же не претендуют на “-измы”. Этот характерный для идеологий суффикс мы применяем только к теоретическому наследию Маркса.

Так почему К.Маркс все же социолог или, точнее, в чем социологичность его идей и каких именно? Приведу несколько, на мой взгляд, наиболее важных аргументов.

Во-первых, многие работы Маркса, особенно в период его зрелого творчества, социологичны в своих позитивистских ориентациях — в частности в том понимании позитивизма, которое ориентирует исследователя на реально посягосторонние, объективно материалистические и каузально детерминистские аспекты общественных отношений со всеми достоинствами, но

также и ограниченностями такого подхода. Маркс усматривает в истории и социальной эволюции человечества прежде всего не внешние проявления, как в случае хроник подъема и упадка империй, смены монархических династий, войн за престолонаследие и т.п., а производственно-экономические детерминанты этих процессов, исходя из того принципа, который получил известность как “историческое понимание истории” и стал методологической основой “исторического материализма”. Как очевидец современной ему общественной динамики он наблюдает и анализирует трансформацию традиционного общества в модерное как закономерные преобразования в сфере производства, отношений собственности и распределения с сопутствующими этому процессу классовой борьбой и конфликтами.

Социальная структура общества, социальные классы и классовая борьба — это, пожалуй, следующий важный предметный аргумент относительно классического вклада Маркса в социологию. По сути, вся социально-структурная проблематика в современной социологии, включая актуальные темы социальных и глобальных неравенств, доминаций, эксплуатаций и геополитических зависимостей, берет свое начало с Марксового классового анализа общества. Государство, по Марксу, есть аппарат институционально организованного насилия и контроля одного (господствующего) класса над другими (угнетенными). Классовые отношения, коренящиеся в групповых экономических интересах и отношениях собственности, классовая борьба и революции создают перманентный конфликтный фактор дальнейшего развития общества. Таким образом, Маркс заложил также основы и конфликтологической парадигмы в социологии.

И наконец, исследования природы капитала и происхождения прибавочной стоимости Марксом как классическая quintessence его теорий — это также и социологическое исследование буржуазных общественных отношений, впрочем, взятых у Маркса в превращенных формах социального неравенства, эксплуатации и товарно-денежных отношений.

Однако именно в своих исследованиях капитализма и буржуазного общества позитивистский рационализм Маркса утрачивает свою последовательность, его экономический детерминизм превращается в самодовлеющий конструкт, социологический анализ ограничивает свой фокус и обедняется, упуская из поля зрения все общественное многообразие: марксизм переходит грань, отделяющую науку от политической идеологии. В противоречии со своей диалектикой общественных трансформаций, Маркс обосновывает учение о коммунизме как наивысшей цели и конечной остановке человеческого развития и о пролетариате с его диктатурой как классовом демиурге этого революционного общественного преобразования. Тем самым Маркс предлагает если не в полной мере новую политическую религию, то идеологизированную доксу, имеющую мало общего с наукой.

В самом деле, Маркс, увлеченный телеологией своей схемы грядущего коммунистического будущего, упорно отказывался воспринимать разнофакторную, не только экономическую, динамику капитализма и буржуазного общества. Там, где уже марксист А.Грамши различал относительно автономность гражданского буржуазного общества, Маркс видел лишь одностороннюю картину классового государственного господства и экономической эксплуатации. Реалистичную прозаичность буржуазных отношений он эмоционально клеймит как общество ограниченных бюргеров и филис-

теров, не годящихся в своих социальных ролях к коммунистической революции. Критически атакуя капитал, исследования которого (да и само физическое существование Маркса и его семьи) во многом обеспечивалось его другом и соратником, а также, по социально-классовой иронии, Манчестерским текстильным фабрикантом Фридрихом Энгельсом, Маркс недооценивал довольно гибкий потенциал к трансформациям, запас прочности и некоторые преимущества капиталистического производства, такие как конкурентные стимулы его развития. К слову, наш соотечественник, один из фундаторов отечественной социологии М.И.Туган-Барановский, будучи сам “легальным марксистом” на раннем этапе своего творчества, также критиковал Маркса за его недооценку потенциала кооперативных форм капитала и перспектив социальных солидаристских отношений на его основе.

Но наиболее противоречивой и неоднозначной стороной Марковского теоретического наследия является его претензия на революционно-радикальное изменение мира — в соответствии с парадигмальным поворотом, артикулированным еще молодым Марксом в его знаменитом 11-м тезисе о Фейербахе (*“философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его”*). Марксизм, превращенный в идеологическую догму и затем трансформированный В.Лениным в инструментальную политическую технологию захвата власти путем пролетарской революции, диктатуры и коммунистического тоталитаризма, политической монополии и административно-командной модернизации стал с 1917 года реальной социальной практикой на одной шестой части суши. К слову, пролетарская революция в тогдашней Российской империи, в состав которой входила и Украина, не соответствовала теоретическим постулатам Маркса, предполагавшего революцию скорее в стране передового капитализма с развитым рабочим классом — такой, к примеру, как Англия того времени. То, что этот грандиозный социальный эксперимент произошел в Российской империи, преимущественно аграрной стране с ее еще, в разных аспектах, до-модерным обществом, — во многом результат методологической коррекции марксизма со стороны В.Ленина и большевистской политической инструментализации Марксовой теории.

Была и другая сторона успешной политической адаптации исторического коммунистического эксперимента в России. Киевлянин Николай Бердяев, небезосновательно усматривавший религиозный характер марксизма, объяснял успех российского большевизма его взаимодополняющей констелляцией с “религиозным духом русского народа” и большим соответствием “русским методам управления и властвования насилием”.

Тяжелый и длительный коммунистический социальный опыт, трагический мартиролог миллионов человеческих жизней, принесенных в жертву ради торжества коммунистических идеалов, всеобщая политическая догматизация марксизма-ленинизма как единственно правильного учения — все это реальные исторические факторы, которые в нашем отечественном контексте все еще мешают объективному и беспристрастному отношению и к самому Марксу, и к его теоретическому наследию.

К тому же у отечественной социологии есть свои исторические счета с марксизмом-ленинизмом. Формирование социологической науки в Украине под влиянием европейских социологических идей было фактически свернуто с конца 1920-х годов, когда исторический материализм уже проч-

но утвердился как монополярная научная методология. В советское время лишь с начала 1960-х проявляются первые признаки возрождения социологического знания и исследований, которые, однако, остаются под неусыпным идеологическим контролем, пребывая в сфере монополярной методологической доминации марксистско-ленинского исторического материализма. Это отвечало предубеждениям власти насчет социологии как “буржуазной науки” или, в лучшем случае, ее представлениям о прикладной “второсортности” социологических исследований.

Отсюда вполне объяснима и последующая крайность в развитии посткоммунистического социогуманитарного дискурса — от универсальной догматизации марксизма к, если не к полному научному табуированию Маркса, то, во всяком случае, игнорированию или забвению многих его конструктивных идей и подходов. Для отечественной социологии преодоление болезненного комплекса “отчуждения от Маркса” во многом происходит и через диалогическое взаимодействие, а также теоретические рецепции основных тенденций развития мирового социологического знания. В нем теоретическое наследие Маркса, актуализированное современным развитием многочисленных *нео-* и *постмарксистских* концептуальных подходов, по-прежнему занимает свое заслуженное и признанное место в поле “центральности” социологической классики.

200-летие К.Маркса, отмечаемое в мире в этом году, — прекрасный повод не только для продолжения процесса восстановления в нашем контексте его безусловной социологической классичности, но и для публикаций в нашем журнале в текущем году, начиная с этого номера, цикла материалов, отражающих современные рефлексии и новые актуализации идей марксистской социологии.

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО